

Анастасия Вербицкая

Одна

Анастасия Алексеевна Вербицкая

Одна

Аннотация

«Всенощная отошла. Праздничный гул колоколов умолк. Из церкви на окраине города толпа прихожан хлынула на церковный двор. Шумным, бурливым потоком пронеслась она по пустынной улице, залила площадь. Добежав до перекрёстка, этот поток вдруг разделился. Мелкими ручьями пролился он по узким переулкам и быстро растаял.

Старая барыня стояла у окна и глядела в переулок...»

Содержание

I	4
II	8
III	13
IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анастасия Вербицкая

Одна

Рождественский рассказ

I

Всенощная отошла. Праздничный гул колоколов умолк. Из церкви на окраине города толпа прихожан хлынула на церковный двор. Шумным, бурливым потоком пронеслась она по пустынной улице, залила площадь. Добежав до перекрёстка, этот поток вдруг разделился. Мелкими ручьями пролился он по узким переулкам и быстро растаял.

Старая барыня стояла у окна и глядела в переулок.

В крепчавшем воздухе ясно прозвенели возбуждённые женские голоса. По глубокому снегу проскрипели шаги. Эти звуки постояли немного в тишине переулка и угасли... Под окном, тихо визжа, проползли сани без седока... Всё стихло... Никого.

Только далеко-далеко, из центра громадного города, где лихорадочно бился пульс столичной жизни, где сверкали электрические солнца, и праздничная толпа бежала по улицам, — сюда, на глухую окраину, доносилось слабое, но грозное эхо, какой-то смутный отголосок... Словно отрывистый

бред чудовища, заснувшего беспокойным сном.

Здесь всё было тихо. Через час огни погаснут в окнах низеньких домов. Окраина заснёт.

Барыня стояла в тёмной передней и глядела в окно.

Ночь была тусклая, белая от снега. На мутном небе громоздились облака, закрывая месяц, затемняя блеск звёзд. Небо как будто силилось улыбнуться больной, бледной улыбкой – и не могло. Жуткое что-то было в этом мутном свете, скупо лившемся из-за облаков. Тоскливы такие ночи...

Дрожь пробежала по худенькой фигурке старой барыни. К чему ей стоять здесь впотьмах и прислушиваться к запоздалым шагам случайного прохожего? Кого ждать?.. Разве она не одна? Не совсем одна на свете?

Она распахнула дверь. На минуту глаза её, привыкшие к темноте, закрылись от яркого света. Тепло, красиво, уютно... Мягкая мебель, сверкающий серебряный самовар на столе, ковёр во всю комнату, в углу пядьцы с начатым вышиванием. В простенке бюро, художественная вещица, которую встретишь теперь разве на аукционе, при распродаже богатого барского имущества; полка с книгами, на стенах в рамках много портретов. За дверью виден угол спальни, с широкой кроватью. Лик Христа в терновом венце, копия с Гвидо Рени, в тяжёлой золочёной раме, висит над изголовьем; скорее картина, чем образ. Лампадки нет. На мраморной тумбочке у постели горит усовершенствованный ночник, под мягким розовым абажуром. У кровати, на полу, шкура медведя.

Как много вкуса и комфорта! С виду как много ненужных мелочей!.. Но все вместе они создают те удобства, без которых Наталья Львовна не сумела бы обойтись, которые нужны ей как воздух. Ну, мыслимо ли для неё проспать на жёсткой постели, без пружин от Сан-Галли? Пусть она скромно обедает какой-нибудь тарелкой щей! Но ей подадут их на старинном фаянсе, уцелевшем при разгроме прошлого богатства. Что нужды в том, что она живёт на окраине и платит всего пятнадцать рублей за квартиру домовой хозяйке Анисье, и что эта Анисья прислуживает ей? У Натальи Львовны нет средств жить в центре города. Да и зачем? Знакомых ей не надо. Она сама старательно и давно ушла от жизни и людей, ничего не давших ей, кроме горя. Она добровольно схоронила себя среди обломков старины и роскоши, среди портретов и книг. По привычке она читает газету; даже волнуется и сердится, когда газетчик запоздает с N «Московских ведомостей»... Всё-таки интересно знать, что творится там, в этом чуждом ей мире, где быются, страдают и гибнут люди в непрерывной борьбе за блага и идеи... В этой могиле её так тихо, уютно, тепло...

Она была красавицей. Вон её портрет на стене, в большой ореховой раме. Какое умное лицо! Какая тонкая улыбка! Какие божественные линии овала!.. Тёмные глаза глядят ласкающе и насмешливо.

Она слышала много признаний. Многие глаза, отуманенные страстью, искали тщетно в её прекрасном лице ответа.

Семейные драмы, борьбу самолюбия, сделки с совестью, готовность на жертвы – всего видела она на своём веку. Ах! Если б она писала письма или мемуары, как m-me де Севинье!.. Много любопытного могла бы она передать людям. В речах этой светской и увлекательной женщины было столько блеска и остроумия! Столько ума и душевного тонкого аромата было в её письмах!.. Жизнь её – роман.

Теперь над этим бурным прошлым поставлен крест. Иногда в долгие, тоскливые ночи она в памяти перелистывает страницы этого романа без горечи, без жгучих порывов к возврату. И ни разу не дрогнет, не забьётся её сердце, когда капризная память вдруг властной рукой развернёт перед ней свиток давно забытых печалей, или яркой улыбкой сверкнёт перед ней былая радость. Сердце молчит... «Отчего?» – думает она с бледной усмешкой.

Недавно доктор объяснил ей причину. Это – болезнь сердца. Оно работало слишком энергично и устало. Надо беречься, избегать волнений. Смерти она не боится, но и не торопит её. Было время, что она жаждала смерти, искала её. В последний раз, ровно два года назад, под Новый год... Поэты говорят – «сердце разбилось». Вот это случилось и с ней. С тех пор она не слышит его биения. Уснуло...

II

Она и сейчас почти красавица. Со своими тёмными волосами, под чёрным кружевом косынки, в неизменном тёмном шёлковом платье, стройная и сухошавая как девушка, она сохранила чистоту линий. И если б не мелкий веер морщин у глаз и не поблёкшая кожа щёк и шеи, ей никто не дал бы её пятидесяти лет.

Она заварила чай. Она пьёт его только дорогой, хотя понемногу. Вот и сейчас выпьет чашку, закусит бутербродом с холодной телятиной по-английски и ляжет спать. Жизнь она ведёт правильную. Вот только сон у неё плох. Доктор сказал, что нервная система у неё совсем расшатана. Что удивительного? После всего пережитого?

Бесшумными, плавными движениями она ходит по комнате, скрестив руки на груди. Что-то неотступно сосёт её сердце. Какая-то назойливая, странная тревога бороздит её высокий лоб и хмурит тонкие брови... Она. нетерпеливо передёрнула плечами... Ну, что за предрассудок!.. Ночь под Новый год? Не та же ли ночь, что вчера и нынче? За границей эту ночь отпраздновали давно. Не так же ли однообразно начнётся и кончится грядущий день? Вот разве придут поздравить с праздником городской, с утра уже пьяный, мальчишки из мясной лавки, водовоз да газетчик? Да Анисья, с утра выпивши, сгрубит лишний раз? Больше будет песен на

улице; с хохотом и гармоникой пройдут фабричные с ближнего завода; с гиканьем и визгом промчатся ребяташки, играя в снежки, да огни в окнах часом позже погаснут. Окраина оживёт на миг. А там?.. Для неё-то, для неё лично, что принесёт нового грядущий год? Для неё нет уже ни надежд ни перемен – ничего, что волнует суеверное человечество в эту таинственную ночь... К чему же ей заглядывать в загадочную мглу будущего? На что уповать? Чего страшиться? Она уже всех схоронила, всё утратила. Иллюзий нет. Годом ближе к могиле. Только...

Она взглянула на часы. Как медленно ползёт время!.. Впрочем, не всё ли равно? Ведь, не будет же она сидеть одна за столом до полуночи? Анисья ушла ко всенощной, оттуда пройдёт ночевать к родным. Постель убрана, дрова в камине. На столе холодный ужин и бутылка вина, прописанная доктором. Прислуга не нужна. Одиночество не только не тяготит вообще Наталью Львовну, оно даже приятно ей. Она так скоро устаёт слушать эту слезливую и болтливую старуху, её рассказы о вдовстве, об умерших ребятах, о замужней племяннице, к которой она теперь побежала... Глупая баба!.. Верит в привязанность родных, с умилением толкует о внуках... И ещё обижается, когда ей говорят, что родные её дурчат, рассчитывая на её домишко, и что не будь его у Анисьи, эта краснощёкая племянница, каждый год плодящая ребят, не приютила бы тётку на старости лет, или швырнула бы ей кусок, как милостыню.

Да, великое счастье – ни от кого не зависеть, иметь свой неотъемлемый кусок, хотя бы крохи от старого капитала! Принять помощь от родных мужа? О нет! Они ещё живы... Может быть, здесь, в городе, и даже недалеко... Не всё ли равно? Для неё они давно уже умерли.

Спать одна она тоже не боится. Анисья во сне часто бредит и так неприятно храпит. Через тонкую стену всё слышно. А воров Наталья Львовна не страшится. Она всегда была хладнокровной и храброй, эта тоненькая женщина с нежным лицом. В ящике её ночного стола лежит заряженный револьвер. В упор выстрелить, защищаясь, она сумеет. Про это всем известно на окраине. Старую барыню все знают. Когда она утром гуляет, для моциона, перед ней ломают шапки все, начиная с городского и важного бородатого мясника. Она истая дворянка и на чай не скупится.

Наталья Львовна налила себе чашку и раскрыла книгу журнала. Но ей не читалось. Тишина стояла кругом. Но эта тишина имела голоса и звуки. Она была звенящая, странная, полная какого-то неясного трепета... Становилось жутко. Если б она была суеверна, она подумала бы... Вздор!.. Мёртвые не возвращаются.

Отчего раньше не было такой тоски?.. Чашка, забытая, стыла на столе.

«Хоть бы Annette забежала!.. Всё-таки свой человек. Ну, да где ей! – горько усмехнулась Наталья Львовна. – Обнялась, наверно, с невесткой и внучатами. Жалкая фантазёр-

ка!.. И вся эта дружба только на словах».

Она подошла к камину и развела огонь. Пламя лизнуло дрова. Она села в кресло и задумалась. Вереницей побежали в памяти картины прошлого.

Ей было шестнадцать лет, когда в первый раз под Новый год она стала гадать перед зеркалом. Зажгли свечи, оставили её одну... Вот такая же звонкая, страшная тишина стояла кругом. Из зеркала глядели на неё испуганные глаза. Какое это было прелестное, бледное личико!.. Теперь у барышень не встретишь такого чистого, невинного выражения. Кто видел головку несчастной Беатриче Ченчи, тот может понять прелесть этого наивного взгляда.

Пол скрипнул где-то далеко... Она вскрикнула и уронила зеркало. Прибежала няня, девушки-крепостные. Посыпались расспросы... Она дрожала от страха и ничего не умела рассказать. Глупенькая!.. Жизнь оказалась много проще и много страшнее гадания.

В тот же год она вышла замуж за молодого, красивого разорившегося помещика, отставного гусара. Она встретила его на балу, полюбила в чаду вальса. Все романы тогда начинались так. После севастопольского краха, накануне реформ, дворянство плясало, ело, бурно доживало последние дни своей беспечной жизни.

Хор певчих гремел ей навстречу «Гряди, голубице», когда она входила в церковь в белоснежном платье, богато затканном крепостными руками, над которым слепили глаза её

любимые девушки. Ах! Она, правда, была голубицей. Таких невест теперь не встретишь. Она не знала грязи, пошлости, обмана, унижающих человека страстей. Даже вблизи не видала слёз и нужды. Плакали, правда, Стеши да Таньки. Но это было в порядке вещей, этих слёз не замечали; проклятий, если они были, не слышали. Жизнь Nathalie шла как светлый праздник, не омрачённая ни тоской ни сомнениями.

Она полюбила. Это было какое-то благоухающее чувство, полное поэзии, трогательного самоотвержения. Она покори-лась бурной страсти мужа, удивлённая... Разве знала она что-нибудь об обязанностях брака? Невинность была её лучшим ореолом. О, да!.. Он был слишком груб для деликатной натуры Натальи Львовны; его раздражала её сдержанность, её кажущаяся холодность. Она не понимала его требований, и ей было грустно, потому что она любила его всеми силами души, и единственную целью жизни её было сделать его счастливым. Её окружала толпа влюблённых. Она не замечала чужой страсти. И сама она, веря безусловно, не знала ревности. Её здоровая, честная, цельная натура отдавалась вполне своему чувству. И она говорила правду, когда, обнимая мужа своими прекрасными, точёными руками, шептала: «Люби меня... Люби крепко... Ведь ты у меня один на свете!»

III

Столб огненных искр взвился в камине. Пламя, коварно лизавшее поленья, вдруг разом охватило их и победно запылало, бросая весёлый, тёплый отблеск на склонившуюся фигуру Натальи Львовны и зажигая искорки в её зрачках... А может быть, это сила воспоминаний так оживила её черты?

Ребёнок... Их первый сын, её Валя, переживший один всех других детей... Не было в жизни её минуты лучше той, когда она услышала его первый крик. Какой это был для всех счастливый день!

Других двух детей она любила не так страстно.

Последние роды дались ей тяжело. Наталья Львовна лежала без сознания. Думали, что не встанет.

Когда она поправилась и окрепла, её сразил первый удар судьбы. Нянька, подавая ей Ваву, шепнула:

– Рассчитайте, сударыня, Глашку, новую горничную! Она, подлая, с барином слюбилась...

Наталья Львовна не крикнула, в обморок не упала. Она только побелела как батист её платья. Знаком руки она выслала кормилицу и няньку и заперлась.

Как она осталась жива?.. Как перенесла эти первые страшные дни отрезвления? Даже теперь, через тридцать лет почти, краски сбегают с её лица и судорожно вытягиваются тонкие руки. Неумирающая обида как огонь жжёт её серд-

це, не умевшее забыть... Какая страшная сила – воспоминание!.. Какая живучая сила!

Пусть смеётся над ней тот, кто умел жить легко, кто спокойно слушал ложь и сам давал, не краснея, лживые обеты; кто, обманувшись в любимом человеке, бросался в другие объятия и умел найти забвение; кто смирялся перед Неизбежным и философски принимал удары судьбы... Она не простила. Не нашла в себе сил. Ни слёзы мужа, ни его униженные мольбы, ни страстные клятвы, ни угрозы застрелиться, наконец, не поколебали её решимости остаться мужу чужой. В её душу сошёл мрак. Она перестала говорить, ела через силу, запиралась неделями. «Надо вызвать слёзы, во что бы то ни стало слёзы», – говорили доктора, испуганные этим душевным оцепенением. На ноги подняли всю родню мужа и её, боялись за рассудок Натальи Львовны. Муж рвал на себе волосы. Он клялся, что ни минуты не переставал её любить, эта интрига – каприз... Не он первый – у всех так... Все жёны мирятся с этими лёгкими изменами. Нельзя же разбивать две жизни, всю семью из-за такого пустяка!

Ничто не могло согреть её сердца и осветить мрака. её души.

Раз утром пятилетний Валя постучался в дверь:

– Можно к тебе, мама?

Она отперла. Валя кинулся к ней с букетом роз.

– Мама... поздравляю... Нынче день твоего ангела...

За ним нянька и кормилица внесли двух дочерей.

Она глухо крикнула, захватила их всех в каком-то отчаянном объятии и зарыдала.

– Слава Богу! – крестилась нянька.

– Славу Богу! – взволнованно шептала бабушка-свекровь, стоявшая в тревоге за дверью. – Подите, скажите Жоржу... Она плачет. Зовите его... Теперь она спасена.

Но молодая женщина воскресла только для детей. Выплакавшись, она заперлась в детской, туда же перенесла свою кровать. Когда муж искал сближения, она удивлённо глядела на него, пожимая тонкими плечами.

– Друг мой, я не сержусь, – говорила она, кротко улыбаясь. – Разве я тебе мешаю любить других?.. В глазах всего общества ничто не изменилось. Чего же ты хочешь от меня?

– Но я люблю тебя... Ты меня измучила, – говорил он, глядя на неё лихорадочными глазами. И весь он был такой исхудалый, жалкий, почти больной от горя. – Неужели ты не простишь?

Она кротко объясняла ему, что ошиблась сама. Она жаждала идеального чувства, вечного, неизменного. А так как жизнь груба, и этот идеал можно осуществить только в материнском чувстве, то не надо ей иной любви! В детской у неё не будет соперниц. Раздела она не признает. Наконец, вера убита. Её не вернёшь. Кто раз обманул, обманет опять. Где гарантия?

Семья распалась. Муж Натальи Львовны стал кутить, вести крупную игру. Его имя связывали со многими именами

светских дам и героинь полусвета. Наталья Львовна стала, наконец, выезжать. Она всем улыбалась опять спокойной, ясной улыбкой безупречного человека. Многие её жалели, называли святой. Ни одна клевета не коснулась этой красавицы. Под ореолом образцовой жены и идеальной матери, она не замечала как будто страсти, которую возбуждала в других.

Через два года муж Натальи Львовны застрелился.

Причины смерти не знал никто. Все видели, что он разорил семью. Поведение его было так непорядочно, так недостойно семьянина. Его никто не жалел, кроме матери. Все жалели жену. Говорили, будто он оставил ей письмо, но этого письма, если оно было, никто, кроме Натальи Львовны, не видал.

Когда она – красавица в своём трауре, – окружённая сиротами, молилась у гроба мужа в церкви, все говорили: «Как много выстрадала эта женщина!.. Бедняжка! Как она ему много прощала!»

IV

Похоронив мужа, Наталья Львовна уехала в деревню и вся отдалась воспитанию детей. Ей говорили, что она молода, хороша собой, что она легко может второй раз выйти замуж. Она печально качала головой. Как? Полюбить второй раз? Да разве для неё не кончена её личная жизнь? Душой она умерла, и не было силы, которая вернула бы её опять в этот блестящий, но ненужный ей свет.

«Она не от мира сего», – говорили о ней.

Но... и у неё нашлись-таки враги. Родня мужа винила в его смерти Наталью Львовну. «Ты бессердечная женщина. Ты эгоистка», – сказала ей свекровь.

Она выслушала эти обвинения не оправдываясь, не вступая в пререкания. К чему? Совесть её была чиста. А до мнения общества что ей за дело? Эти близорукие люди судили по внешности. Не плачет – значит, ей легко. Человек умер, и ему всё простили – и измены, и легкомысленную растрату имущества. А каково тем, кто остался жить с разбитой верой, с памятью о неумирающей обиде?

С детьми Наталья Львовна была строга. Дети боялись её взгляда и росли тихие, запуганные, бледные.

– Ты деспот... За что ты их так забиваешь? – негодовала баловница-бабушка.

Наталья Львовна кротко просила не вмешиваться. У неё

была своя система. Боясь, что дети унаследуют необузданную натуру отца, Наталья Львовна строгостью сдерживала малейшие порывы их детской души. Она требовала от них умения владеть собой и безусловной покорности её воле.

Судьба была жестока к этой мужественной женщине. В деревне появилась эпидемия скарлатины. Испуганная Наталья Львовна изолировала усадьбу, заперлась в ней, глухая ко всему вне её детской, с тревогой следя за малейшим шагом прислуги, беспощадно изгоняя тех, кто не порвал связей с зачумлённым посёлком. Тем не менее, дети заболели; сперва две девочки, за ними Валя. Всё было поднято на ноги и пущено в ход. Не жалели ни денег ни ухода.

Девочки умерли. Валя боролся за жизнь.

– Спасите его, спасите! – рыдала обезумевшая Наталья Львовна. – А если он умрёт, то отравите меня!

Девочек схоронили.

– Нужна операция, – сказал доктор Наталье Львовне, которая двое суток не смыкала глаз. – Это единственный выход. Он может умереть под ножом, не скрою... Но и без операции он, всё равно, умрёт, задушенный нарывом... Решайтесь.

Она упала на колени...

Молилась ли она, или лежала без сознания, лицом на полу, эти страшные часы ожидания, пока готовились к операции трахеотомии, пока эта операция совершалась? Сколько часов прошло? Была ли она одна? Никогда потом она не

могла припомнить. Всё слилось в одном чувстве ужаса перед непонятной, слепой силой смерти.

В памяти, сквозь мглу прошлого, ярко сверкает одна только минута. Доктор вбежал с ланцетом в руках, в своём белом фартуке, бледный, с трясущимися губами.

– Спа...сен... будет жить... Идите к... нему...

С воплем счастья она кинулась в детскую. Умиравший, час тому назад весь синий ребёнок теперь открыл глаза и улыбнулся.

– Валя!..

– Тише!.. – остановил её доктор. – Не пугайте его... Дайте заснуть!

Она упала доктору на грудь, судорожно обняла его, хотела благодарить и забилась в истерике.

Доктор уехал только к ночи. Ребёнок, с серебряной трубкой в горле, тихо спал в своей постельке. Сиделка, измученная тяжёлым днём, забылась в кресле. Доктор предписал неослабный надзор, но Наталья Львовна взяла его на себя одну. Стоя на коленях перед постелькой, она глядела неотступно в маленькое личико, и губы её шептали:

– Живи, моя радость!.. Живи для твоей несчастной матери... Ведь ты у меня один на свете!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.